

Трубовозчики не берут —
я для них «человек в плаще».

«Икарусы» брезгают «человеком вообще», «вахтовки» интересуются только своими. За рулем в «Икарусах», «вахтовках» и «трубовозчиках» как будто бы и нет водителей, сословная техника поглотила их. Ссылки на прошлые заслуги — «я на Севере пятый раз» — ничем не помогают. Смешно звучат для сетевых монстров аргументы родовой общности: «чей-то муж я и чей-то зять». Верный путь к успеху — минимизация человеческого, а его полная утрата — идеал перевоплощения:

Все подумают, что бревно,
и тогда подберут меня.

Среди жертв контрреволюции 90-х и муза Дмитрия Григорьевича Толстобы. В прошлом году не стало его самого.

Светлая ему память.

Ирина МОИСЕЕВА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Виталий Аксенов. Какие мы все идиоты, черт бы нас побрал!

СПб.: ИД «Петрополис», 2017. — 192 с.

Юмористические эссе, в которых заслуженный деятель искусств РФ Виталий Аксенов, режиссер-постановщик и сценарист «Ленфильма», знакомит читателя с удивительным и неоднозначным современным миром идиотизма. Проблема не нова. Философским раздумьям о человеческой глупости предавались еще древние греки. Прежде чем погрузиться в разнообразный мир современного идиотизма, В. Аксенов дает краткий обзор некоторых наиболее солидных трудов о человеческой глупости: от «Корабля дураков» Себастьяна Бранта (1494) и «Похвалы глупости» (1509) Эразма Роттердамского до произведений новейших времен («Как выжить среди идиотов» Д. Хувера, 2012). Он включает в текст выразительные фрагменты из этих произведений, приводит мнения писателей, ученых, кинорежиссеров, поэтов, критиков всех стран и народов по интересующей его теме. Согласно этим мнениям, 95 % обитателей нашей планеты можно считать идиотами. Иногда в фантазийных снах автор беседует с такими экспертами, как Эразм Роттердамский и Себастьян Брант; поэтом IV века до нашей эры Авсонием, к стихам которого восходит знаменитое крылатое выражение Блеза Паскаля, что человек — это «мыслящий тростник»; с культовым автором наших дней Терри Пратчеттом, чье высказывание стало заглавием книги. Эрудиция В. Аксенова обуславливает и его анализ материалов Интернета, а именно: Интернет дает ему богатую пищу для размышлений об идиотизме нынешнем. Например, о превратностях судьбы Поэзии, о том, как философские раздумья и мучения древних греков (и римлян, конечно), Паскаля и Тютчева сегодня неожиданно и драматически воплотились в реальный поэтический конкурс-фестиваль в старинном русском городе Твери, малой родине Ф. Тютчева. Иронично комментируя строки из стихотворения одного из лауреатов этого конкурса («Я устала, Господи... Но светила — *пятой точкой*, пальчиком из носка, // потным лбом своим и краснотой стыда»), В. Аксенов присоединяется к мне-

нию одного из блогеров: «Мыслители древности много чего полезного нам передали, а мы, сегодняшние, в большинстве своем одно — дураки дураками». Задавшись вопросом, бывают ли гении идиотами, а идиоты — гениями, В. Аксенов обращается к поэтическому творчеству знаменитых революционеров: Карла Маркса, Сталина, Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина. Ищет ответ на такой вопрос: действительно ли прогрессивное человечество сплачивают Всемирные дни культурного разнообразия и разнообразия биологического, Международный день объятий и Всемирный день поцелуя? Что убедительнее — обширные интернетовские материалы о науке поцелуев, филематологии, или «архаичные», «ветхие» стихотворения С. Есенина, К. Бальмонта на ту же тему? Мир глупости беспределен, тому свидетельством Шнобелевская премия, премия Дарвина, которую ежегодно присуждают людям, умершим наиболее глупым образом, и, следовательно, лишившим себя возможности внести вклад в генофонд человечества, Всемирная премия за глупость. Интернет дает возможность познакомиться с удивительными открытиями британских ученых, считающих себя самыми умными, однако эти открытия способны вызывать и подозрения в интеллектуальной неполноценности их авторов. Так, британские ученые вычислили скорость Бэтмена, считают, что мохнатые шмели могут помочь ловить маньяков, разработали идеальный сэндвич... Несть числа примерам идиотского законотворчества, отечественного и зарубежного. Есть с чем сравнить, и наши депутаты отнюдь не самые «продвинутые», по крайней мере, у нас нет законов, запрещающих принимать душ обнаженным, как во Флориде, или выпускать кошек гулять, если они «не имеют сзади световых отражателей», как в американском Стерлинге. Смешные факты и ироничные комментарии выводят на серьезную тему: влияние виртуального мира на человека и концепция матрицы, согласно которой наш мир, возможно в буквальном смысле, смоделирован на компьютере, а главным системным администратором программы под названием человечество является тот, кого мы называем Богом. «Многие ученые, философы и бизнес-лидеры считают, что вероятность того, что люди уже живут в виртуальном мире, созданном с помощью компьютерного моделирования, составляет 20–50 %» (американский блогер Майлз Удланд). Идея Матрицы увлекательная, но преходящая, считает В. Аксенов, и появилась она не с одноименным фильмом, а значительно раньше, 73 года назад. По определению В. Аксенова, «мир Матрицы — это мир, где средства массовой информации и, прежде всего, телевидение, PR и реклама полностью победили здравый смысл, а все мы стали объектом непрерывной пропаганды». Шекспировский Гамлет, предлагая Розенкранцу и Гильденстерну сыграть на флейте, говорит: «Смотрите же, с какой грязью вы меня смешали. Вы собираетесь играть на мне... Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете меня расстроить, но играть на мне нельзя!» В. Аксенов детально и добросовестно рассмотрел, во что сегодня превратился «мыслящий тростник» и как на нем играют. И если главная задача Матрицы — превратить общество в управляемую массу, то с идиотами это сделать легче.

Василий Каменский. Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма.

Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования / Сост. и науч. ред. А. А. Россомахин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 432 с.: ил.

Василий Каменский (1884–1961) учил людей быть счастливыми: «Я часто смотрю на небо, и мне легко жить... смотрите и вы. Чаше смотрите, и станет легче...

Будьте веселыми взрослыми детьми. Скучают или слабые, или дураки. Сильные и мудрые веселятся. Веселятся, даже когда умирают...»

Он верил, что через 500 лет аэропланы совершенно исчезнут, все люди переродятся в человекоптиц и весь мир будет подобен птичьему раю. Соратник В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка, он был одним из столпов русского авангарда, «матерью русского футуризма». Экспериментировал в области визуальной поэзии, создавал «железобетонные поэмы» и «стихокартины», сплавляя вместе поэзию, прозу, живопись и искусство жеста. Много путешествовал по стране, выступая с чтением своих футуристических произведений. Стал одним из первых русских авиаторов, «Открывателем Стран, Завоевателем Воздуха», и именно он впервые ввел в обиход привычное для нас сегодня слово «самолет». Первый поэт-авиатор был и первым Поэтом цирка. Он один из немногих поэтов-футуристов, чья литературная деятельность продолжалась и в советскую эпоху. Октябрьскую революцию принял с восторгом, вел культработу в Красной армии, вошел в магистральный поток советской литературы, его пьесы ставились в Москве, его произведения печатались. 1930-е годы — апофеоз государственного признания Каменского. Весь 1933 год праздновалось 25-летие его литературной деятельности, его именем был назван колхоз, школа, пароход, в 1939 году он был награжден орденом «Знак Почета». И все-таки... Несмотря на статус автора «первой советской революционной пьесы», близкого друга Маяковского, поэта-орденоносца, Каменский даже на склоне лет не удостоился не только Собрания сочинений, но и репрезентативного тома Избранных произведений. Появившийся в 1966 году посмертный том в серии «Библиотека поэта» включал небольшую часть его произведений, а его главные достижения и эксперименты 1910—1920-х годов были купированы. В настоящем сборнике впервые представлены произведения Каменского, статьи, стихотворения и автобиографические тексты 1910—1920-х годов, которые частью оставались неопубликованными, а частью, будучи напечатанными в периодике 1920-х годов, уже не включались в позднейшие поэтические сборники, ибо, по словам составителя сборника А. Россомахина, «уникальный животворческий дар Каменского оказался слишком чрезмерным для нивелировавшего все крайности соцреализма». Более дюжины эксклюзивных исследований филологов и искусствоведов показывают В. Каменского во всей полноте: Каменский как пионер авиации, как первооткрыватель новых форм в поэзии, как циркач, как (само)рекламист, как дизайнер и типограф, как мастер перформанса, как поэт-фонолог-заумник, как автор беспрецедентной поэтической истории русского футуризма, как поэт-орденоносец. В издание включено более 300 иллюстраций. Впервые собраны три десятка листовок и афиш Каменского, ярко иллюстрирующих артистические и жизнетворческие стратегии Каменского — от раннего футуристического периода до середины 1920-х годов. Поэт тщательно относился к медийному сопровождению своих выступлений, продумывал дизайн и броский текст афиш, призванных удивить, озадачить, зацепить глаз публики. Так же тщательно работал он над обложками своих книг, автором многих был он сам, в других случаях диктовал издательствам свои инструкции. В книге представлена иллюстрированная библиография прижизненных изданий Каменского, подробно аннотирующая все 47 его прижизненных книг. Впервые публикуется масштабная иконография поэта — более 40 его портретов, а писали и рисовали В. Каменского значительные художники, со многими из которых он был связан дружескими узами. По меньшей мере, шесть портретов сделал Давид Бурлюк, пять — Федор Малавин, четыре — Сергей Судейкин, три — Илья Репин. Большая и лучшая часть портретов относится к 1910—1920-м годам, эпохе футуристического «штурма и натиска» и первого послереволюционного десятилетия — времени наибольшей активности Ка-

менского. Это первый опыт иконографии поэта-авиатора-песнебойца. Важным дополнением к этим материалам служат факсимильные воспроизведения редчайшей «Газеты Василия Каменского» и скандального «Моего журнала Василия Каменского» (1920 и 1922 гг.).

Гюстав Лебон. Психология масс. С предисловием Николая Старикова.

СПб.: Питер, 2017. — 224 с. — (Серия «Николай Стариков рекомендует прочитать»).

Гюстав Лебон (1841–1931), французский социолог и ученый, более ста лет назад первым почувствовал, что наступает эра толпы, грядет замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью масс. И описал технологии манипулирования массами людей, простые способы и принципы внушения идей и мыслей. Актуальности его работа не утратила, достаточно заглянуть в нее. Почему мания великих реформ, «перестроек», смен режимов бывает очень пагубна для народа, как бы ни казались хороши эти реформы в теоретическом отношении? «Нужны целые века для образования какого-нибудь политического режима, и точно так же нужны века для его изменения. Учреждения сами по себе не могут быть ни хороши, ни дурны, и те, которые хороши для какого-нибудь народа в данную минуту, могут быть совершенно непригодны для него в другое время. Поэтому-то не во власти народа изменять эти учреждения на самом деле; он может только посредством насильственных революций менять название учреждений, но сущность их не изменится». «История указывает нам, что как только нравственные силы, на которых покоилась цивилизация, теряют власть, дело окончательного разрушения завершается бессознательной и грубой толпой, справедливо называемой варварами. Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда — толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению». И — «Если здание какой-нибудь цивилизации подточено, то всегда толпа вызывает его падение». Последствия иллюзий? Пример Великой французской революции, характерный для любой революции: «Для обнаружения истины, заключающейся в том, что нельзя переделать во всех отношениях какое-нибудь общество лишь на основании указаний чистого разума, понадобилось погубить несколько миллионов человеческих жизней и волновать Европу в течение целых двадцати лет». Г. Лебон исследовал душу толпы, власть традиций над нею, ее поведение, чувства, рассуждения, роль вдохновляющих толпу идей. Он считал, что «распознать двигателей, управляющих действиями людей, не менее интересно, чем распознать какой-нибудь минерал или цветок». Психология людей остается прежней, а значит, неизменны и «законы толпы», и способы воздействия на нее. Он дает ответ на вопрос: почему человек толпы идет на убийства, на грабежи магазинов, на поджоги дворцов, хотя никогда не сделал бы этого, будучи один? Показывает, как в толпе происходит снижение уровня интеллекта, падает ответственность, самостоятельность, критичность, исчезает личность как таковая. Доказывает, что на толпу действуют не законы логики, а магическая сила слов, смыслы которых меняются сообразно векам и народам. «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, свобода и т. д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удается с точностью разъяснить их смысл. Между тем в них, несомненно, заклю-

чается магическая сила, как будто на самом деле в них скрыто разрешение всех проблем». И если вожаки хотят внушить толпе нужную им идею, нужно только в понятных толпе образах (лозунгах) постоянно ее повторять. «Простое утверждение, не подкрепляемое никакими рассуждениями и никакими доказательствами, служит одним из самых верных средств для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. Чем более кратко утверждение, чем более оно лишено какой бы то ни было доказательности, тем более оно оказывает влияние на толпу». Вожакам толпы и их способам убеждения посвящена специальная глава. Лебон одним из первых высказал и обосновал мысль, что первична идея. «Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей». Он считал, что перемены эти случаются редко, потому что самое прочное в каждой нации — наследственные основы ее мыслей, которые не могут быть изменены насильственным образом, и что «трудно понять историю, и особенно историю народных революций, если не уяснить себе хорошенько глубоко консервативных инстинктов толпы». Но все сказанное Лебоном более ста лет назад удивительным образом проливает свет на современные цветные революции. Знание психологии толпы, по его мнению — последнее средство, имеющееся в руках государственного человека, для того чтобы ограничить разрушительную власть толпы. Не случайно к трудам одного из наиболее ярких основоположников психологии управления народами обращались многие политики, в том числе Ленин и Сталин, Гитлер и Муссолини.

Дмитрий Жуков. Биология поведения богов и героев Древней Греции.
СПб.: Крига, 2015. — 248 с., 174 ил.

Истории, известные не первую тысячу лет, в ракурсе биологической целесообразности поведения их героев. Почему в защитники государства эллины взяли женское божество — Афину? Почему Афина и Артемида — богини девственные? А Аполлон, общепризнанный эталон мужской красоты, был очень неудачлив в любви, прежде всего в гетеросексуальной: даже нимфы и смертные женщины пренебрегали им. Почему Парис из трех прекраснейших богинь выбрал Афродиту, вручив именно ей золотое яблоко? Почему мужчины так часто не понимают женщин? И почему со времен античности отношение к неверной жене и неверному мужу остается различным: женщина, которой изменяет муж, вызывает сочувствие, а муж неверной жены — насмешки? Можно ли вообще смеяться над женщиной? В чем глубинная причина гибели мужеподобной Аталанты? И как так получилось, что среди древнегреческих небожителей не было особого божества, покровительствовавшего любящим друг друга мужчинам? «Ни в одном из мифов Амур не поражает стрелами двух мужчин, и богиня любви Афродита тоже занимается исключительно гетеросексуальными парами. Про двух любящих друг друга мужчин не сложено ни одной поэтической истории». А ведь греческие мужчины были бисексуалами. Петербургский биолог Дмитрий Жуков рассматривает те древнегреческие мифы, в которых поведение персонажей имеет явную биологическую основу, подчиняется общим закономерностям, присущим и современным людям, и животным. Мифология Древней Греции отлична от мифов других народов тем, что в ней боги не выступают как некие совершенные существа, дарители закона, запретов, наставлений. Мифы древних греков отражали реальную жизнь людей, слагающих их. Со времен античности, констатирует Д. Жуков, человеческая эволюция не совершила реше-

тельного рывка, значит, в характерных чертах героев мифов, их поступках мы можем увидеть особенности поведения простого человека, которые позволили ему выжить и создать нынешнюю цивилизацию. А сопоставляя наше поведение с поведением далеких предков, можно разобраться, что остается неизменным в нашей природе, а что меняется. С точки зрения биологии смысл жизни состоит в производстве и сохранении популяции, поэтому одной из ведущих тем остаются отношения мужчины — женщины. Так, для женщин было важно выявить недостатки мужчин до заключения брака: насколько хорошим отцом ее избранник будет для выживания и успешного развития их будущего ребенка? Выясняя особенности поведения мужчины, женщина провоцирует мужчину на различные формы поведения, скрывая свои чувства. Женщина не может быть предметом насмешки, хотя бы потому, что каждая самка слишком ценна для популяции. А результатом подшучивания может быть снижение ее жизнеспособности. Не случайно в споре Посейдона и Афины афиняне выбрали именно ее дар — оливковое дерево, отдав ей власть над городом. Покровитель города должен быть не защитником, а посредником. Женщина пластичнее, лучше поддерживает равновесие между интересами членов сообщества, не допускает, чтобы трения между ними перерастали в конфликт. Миф об Аталанте должен был предостеречь родителей от воспитания детей в стиле унисекс. Ребенок, не воспринявший с детства либо женскую, либо мужскую социальную роль, во взрослом возрасте, попадая в традиционное общество, испытывает огромные психологические трудности из-за несоответствия реальности своим представлениям о ней. Мужчина должен выглядеть как мужчина и вести себя как мужчина, а женщина — как женщина. «Потребности, которые удовлетворяли древнегреческие персонажи, и способы, которыми они это делали, были такими же, как и у нас. Так же, как и мы, они стремились занять место в общественной иерархии повыше, но знали, что шкала иерархии у каждого человека своя. Так же, как и современные люди, при стрессе они демонстрировали смещенные реакции. Греки прекрасно понимали, что у мужчин и женщин различные врожденные достоинства и что смешение мужских и женских начал до добра не доводит. Как и мы, греки знали, что женщина — лучший глава дома, чем мужчина. Но общественными делами женщина может заниматься только в ущерб личной жизни. Как и для нас, для древних греков сексуальный успех служил повышению самооценки». Отличие только в легкости, с которой во множестве мифов герои убивали детей, в том числе своих. Причина — в смене стратегий размножения, происходившей в пору сложения мифов. Современному человеку следует помнить, пишет Д. Жуков, что он остается биологическим существом, подчиняющимся всем биологическим закономерностям, которые полезно знать. А они все те же, что обуславливали поведение богов и героев Древней Греции. Достижения цивилизации не отменяют нашу биологическую сущность, нашу зависимость от природного начала. Идти против природы означает провоцировать гнев богов. Книга иллюстрирована репродукциями живописных полотен и скульптур на мифологические сюжеты.

Юрий Петросян. Османская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016 — 304 с. — (Величайшие цивилизации мира).

Согласно турецкой исторической традиции, начало Османской империи положили прибывшие в конце XIII века в Анатолию из Средней Азии кочевники огузского племени кайы, предводителем которых был Осман. Племя, ведшее полукочевой образ жизни, не обладавшее ничем, кроме табунов коней и овечьих стад, к середине

XIV века сформировало первоначальное ядро государства, которому суждено было стать одной из самых крупных империй средневековья, мощной военной державой, в короткий срок подчинившей себе многие народы Европы и Азии. В период расцвета — XVI—XVII века — территория Османской империи простиралась от ворот Вены до Персидского залива, от Крыма до Марокко. Турецкие войска нанесли поражения и Венецианской республике, и Венгрии, и Чехии, и Польше, и даже Священной Римской империи. В 1453 году пал Константинополь, на картах мира появилось новое наименование — Стамбул, ставший столицей турецкой державы. Европа пережила сильное потрясение, узнав о гибели Византии, ибо все на Западе были уверены, что Константинополь и на этот раз отразит натиск турок; захват византийской столицы открыл перед турецкими султанами новые, исключительно благоприятные возможности для дальнейших завоеваний в Европе. В конце XVII века начался закат Османской империи. В 1683 году у стен Вены был развеян миф о непобедимости султанских полчищ, турки потерпели поражение от войск польского короля Яна Собеского. Известный востоковед, доктор исторических наук Юрий Петросян поэтапно рассматривает историю создания, развития Османской империи и ее гибели в огне Первой мировой войны. (В ноябре 1918 года Турция, союзница Германии, сдалась на милость победителей, Великое национальное собрание Турции приняло решение об упразднении султаната.) Труд фундаментальный: специфика управления гигантским государством с разноплеменным составом населения, разнообразными климатическими условиями и хозяйственно-бытовыми традициями; социально-экономические институты; административно-судебная система; промышленность и сельское хозяйство; армия; права и обязанности разных слоев населения в столице и провинциях. Время обуславливало необходимые трансформации, но никакие реформы успеха не имели. Попав к концу XVIII века в экономическую и финансовую зависимость от более развитых европейских стран, Османская империя уже не смогла восстановить прежнюю мощь. Строгий научный анализ не делает книгу скучной: слишком бурной была история османов, и автор щедро, ярко живописует ее драматические события. Бесконечные войны — в Европе, с Ираном, в Закавказье, с Россией, Египтом, победы и поражения турецкого оружия, подробности важнейших битв на суше и на море в свидетельствах их современников. Страшная картина покорения Балкан: массовые убийства мирных жителей, грабежи, разбой. И, как следствие, непрекращающиеся национально-освободительные восстания народов, не желавших покориться. Устои султанского режима расшатывала не только борьба нетурецких народов, но и народные восстания в самой Анатолии, объединявшие крестьян, обедневших феодалов, городское население. Бунтовали даже янычары. Усугубляли положение противоречия внутри правящего класса, чудовищные коррупция и казнокрадство. История Османской империи — это и мятежи, бунты, перевороты, кровопролитная борьба за престол в династии османов, «узаконенная» самим завоевателем Константинополя Мехмедом II. Это он издал указ, где были такие слова: «Тот из моих сыновей, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле». В книге немало емких, выразительных портретов тех, кто определял ход истории. Отдельная глава посвящена взаимоотношениям России и Османской империи. Дипломатические контакты между Москвой и Стамбулом установились в конце XV века, при Иване III, озабоченном защитой интересов русских купцов в османских владениях и набегами крымских вассалов султана на русские земли. Ю. Петросян отмечает, что русские представители, в отличие от послов других стран, не подвергались публичным унижениям или насилиям, хотя в случае военных действий между Москвией и Османской империей их порой заточали в Семибашенный замок.

Острые конфликтные ситуации бывали в XVI—XVII веках: попытка турок овладеть Астраханью, которая в 1556 году была присоединена к Москве, набеги крымских татар на украинские земли после вхождения их в состав России. Открытое военное противостояние началось в XVIII веке и продолжалось более ста лет, все военные кампании в деталях освещены в книге. Много внимания уделено и дипломатическим играм, в которые уже после захвата Константинополя европейцы стали втягивать османов; в XVIII веке в центре дипломатической борьбы держав не раз находились русско-турецкие отношения. История Османской цивилизации, возникшей там, где сходятся три части света — Европа, Азия и Африка, прочитывается автором в общем контексте с древней историей Ближнего Востока, с историей Византии, Европы (особенно Балкан, где с XVIII века велика была и роль России), Северной Африки, Закавказья. В пересечении интересов в далеком прошлом завязывался узел сегодняшних противоречий и противостояний, мятежный дух предков нашел отражение и в менталитете нашего ближайшего соседа, что может объяснить многое происходящее в современной Турции.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург, Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)